

БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕНИН

3 апреля в Петроград прибыл из эмиграции Ленин. Только с этого момента большевистская партия начинает говорить полным голосом, и, что еще важнее, своим собственным.

Первый месяц революции был для большевизма временем растерянности и шатаний. В "Манифесте" Центрального Комитета большевиков, составившемся сейчас же после победы восстания, говорилось, что "рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство". Манифест был напечатан в официальном органе Совета без комментариев и возражений, точно речь шла об академическом вопросе. Но и руководящие большевики придавали своему лозунгу чисто демонстративное значение. Они действовали не как представители пролетарской партии, которая готовится открыть самостоятельную борьбу за власть, а как левое крыло демократии, которое, провозглашая свои принципы, собирается в течение неопределенно долгого времени играть роль лояльной оппозиции.

Суханов утверждает, что на заседании Исполнительного комитета 1 марта в центре обсуждения стояли лишь условия передачи власти: против самого факта образования буржуазного правительства не было поднято ни одного голоса, несмотря на то что в Исполнительном комитете числилось из 39 членов 11 большевиков и примыкающих к ним, причем 3 члена центра, Залуцкий, Шляпников и Молотов, присутствовали на заседании.

На другой день в Совете, по рассказу самого Шляпникова, из присутствовавших четырех сотен депутатов против передачи власти буржуазии голосовали всего 19 человек, тогда как в большевистской фракции числилось уже человек сорок. Самое это голосование прошло совершенно незаметно, в формально-парламентском порядке, без ясных контрпредложений со стороны большевиков, без борьбы и без какой бы то ни было агитации в большевистской печати.

4 марта Бюро ЦК приняло резолюцию о контрреволюционном характере Временного правительства и о необходимости держать курс на демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Петроградский комитет, не без основания признавший эту резолюцию академической, так как она совершенно не указывала, что делать сегодня, подошел к проблеме с противоположного конца. "Считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Советом", он заявил, что "не противодействует власти Временного правительства постольку-поскольку..." По существу это была позиция меньшевиков и эсеров, только отодвинутая на вторую линию окопов. Открыто оппортунистическая резолюция Петроградского комитета лишь по форме противоречила позиции ЦК, академичность которой означала не что иное, как политическое примирение с совершившимся фактом.

Готовность молча или с оговоркой склониться перед правительством буржуазии отнюдь не встречала безраздельного сочувствия в партии.

Большевики-рабочие сразу натолкнулись на Временное правительство как на враждебное укрепление, неожиданно выросшее на их пути. Выборгский комитет проводил тысячные митинги рабочих и солдат, почти единогласно принимавшие резолюцию о необходимости взятия власти Советом. Активный участник этой агитации Дингельштедт свидетельствует: "Не было ни одного митинга, ни одного рабочего собрания, которое отклонило бы нашу резолюцию такого содержания, если только было кому ее предлагать". Меншевики и эсеры боялись в первое время открыто выступать со своей постановкой вопроса о власти перед рабочей и солдатской аудиторией. Резолюция выборжцев ввиду ее успеха была отпечатана и расклеена в виде плаката. Но Петроградский комитет наложил прямое запрещение на эту резолюцию, и выборжцы вынуждены были смириться.

В вопросе о социальном содержании революции и перспективах ее развития позиция большевистского руководства была не менее смутной. Шляпников рассказывает: "Мы соглашались с меньшевиками в том, что переживаем момент революционной ломки феодальных, крепостнических отношений, что на смену им идут всяческие "свободы", свойственные буржуазным отношениям". "Правда" писала в первом своем номере: "Основной задачей является... введение демократического республиканского строя". В наказе рабочим депутатам Московский комитет заявлял: "Пролетариат стремится достигнуть свободы для борьбы за социализм -- свою конечную цель". Традиционная ссылка на "конечную цель" достаточно подчеркивает историческую дистанцию по отношению к социализму. Дальше этого не шел никто. Опасение перейти за пределы демократической революции диктовало политику выжидания, приспособления и фактического отступления перед соглашателями.

Как тяжело политическая бесхарактерность центра отражалась на провинции, нетрудно понять. Ограничимся свидетельством одного из руководителей саратовской организации: "Наша партия, принимавшая активное участие в восстании, по-видимому, упустила влияние на массу, и оно было перехвачено меньшевиками и эсерами. Каковы лозунги большевиков, никто не знал... Картина была очень неприятная".

Левые большевики, прежде всего рабочие, изо всех сил стремились прорвать карантин. Но и они не знали, как парировать доводы о буржуазном характере революции и опасностях изоляции пролетариата. Скрепя сердце они подчинялись директивам руководства. Различные течения в большевизме с первого дня довольно резко сталкивались друг с другом, но ни одно из них не доводило своих мыслей до конца. "Правда" отражала это смутное и неустойчивое состояние идей партии, не внося в него никакого единства. Положение еще более осложнилось к середине марта, после прибытия из ссылки Каменева и Сталина, которые круто повернули руль официальной партийной политики вправо.

Большевик почти с самого возникновения большевизма, Каменев всегда стоял на правом фланге партии. Не лишенный теоретической подготовки и политического чутья, с большим опытом фракционной борьбы

в России и запасом политических наблюдений на Западе, Каменев лучше многих других большевиков схватывал общие идеи Ленина, но только для того, чтобы на практике давать им как можно более мирное истолкование. Ни самостоятельности решения, ни инициативы действия от него ждать было нельзя. Выдающийся пропагандист, оратор, журналист не блестящий, но вдумчивый, Каменев был особенно ценен при переговорах с другими партиями и для разведки в других общественных кругах, причем из таких экскурсий он всегда приносил в себе частицу чуждых партии настроений. Эти черты Каменева были настолько явны, что никто почти не ошибался насчет его политической фигуры. Суханов отмечает в нем отсутствие "острых углов": его "всегда необходимо взять на буксир, и если он иногда упрется, то не сильно". В таком же духе пишет и Станкевич: отношения Каменева к противникам "были так мягки, что, казалось, он сам стыдился непримиримости своей позиции; в комитете он был, несомненно, не врагом, а только оппозицией". К этому почти нечего прибавить.

Сталин представлял совершенно иной тип большевика и по своему психическому складу и по характеру своей партийной работы: крепкого, теоретически и политически примитивного организатора. Если Каменев, в качестве публициста, в течение ряда лет оставался с Лениным в эмиграции, где находился очаг теоретической работы партии, то Сталин, в качестве так называемого практика, без теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков, был неотделим от русской почвы. Такие работники появлялись за границей только наездами, чтобы получить инструкции, сговориться насчет дальнейших задач и вернуться снова в Россию. Сталин выдвинулся среди практиков энергией, упорством и изобретательностью в закулисных ходах. Если Каменев, по свойствам своей натуры, "стеснялся" практических выводов большевизма, то Сталин, наоборот, склонен был отстаивать усвоенные им практические выводы без всякого смягчения, сочетая настойчивость с грубостью.

Несмотря на противоположность характеров, Каменев и Сталин не случайно заняли в начале революции общую позицию: они дополняли друг друга. Революционная концепция без революционной воли то же, что часы со сломанной пружиной: политическая стрелка Каменева всегда отставала от революционных задач. Но отсутствие широкой политической концепции обрекает и самого волевого политика на нерешительность при наступлении больших и сложных событий. Эмпирик Сталин открыт чужим влияниям не со стороны воли, а со стороны мысли. Так, публицист без решимости и организатор без кругозора довели в марте свой большевизм до самой грани меньшевизма. Сталин оказался при этом еще менее Каменева способен развернуть самостоятельную позицию в Исполнительном комитете, куда он вступил как представитель партии. Не осталось в протоколах или в печати ни одного предложения, заявления, протеста, в которых Сталин выражал бы большевистскую точку зрения в противовес пресмыкательству "демократии" перед либерализмом. Суханов говорит в своих "Записках": "У большевиков в это время кроме Каменева появился в Исполнительном комитете Сталин... За

время своей скромной деятельности в Исполнительном комитете (он) производил -- не на одного меня -- впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать". Если Суханов явно недооценивает Сталина в целом, то он правильно характеризует его политическую безличность в соглашательском Исполкоме.

14 марта манифест "К народам всего мира", истолковывавший победу Февральской революции в интересах Антанты и означавший торжество нового, республиканского социал-патриотизма французской марки, принят был в Совете *единогласно*. Это означало несомненный успех Каменева--Сталина, достигнутый, видимо, без большой борьбы. "Правда" писала о нем как о "сознательном компромиссе между различными течениями, представленными в Совете". Следовало бы прибавить, что компромисс означал прямой разрыв с течением Ленина, которое в Совете вовсе не оказалось представлено.

Член заграничной редакции центрального органа Каменев, член Центрального Комитета Сталин и депутат Думы Муранов, также вернувшийся из Сибири, отстранили старую, слишком "левую" редакцию "Правды" и, опираясь на свои проблематические права, взяли с 15 марта газету в свои руки. В программной статье новой редакции заявлялось, что большевики будут решительно поддерживать Временное правительство, "поскольку оно борется с реакцией или контрреволюцией". По вопросу о войне новые руководители высказывались не менее категорически: пока германская армия повинуетя своему императору, русский солдат должен "стойко стоять на своем посту, на пулю отвечать пулей и на снаряд -- снарядом". "Не бессодержательное "Долой войну" -- наш лозунг. Наш лозунг -- давление на Временное правительство с целью заставить его... выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров... А до тех пор каждый остается на своем боевом посту!" Идеи, как и формулировки, насквозь оборонческие. Программа давления на империалистическое правительство с целью "склонить" его к миролюбивому образу действий была программой Каутского в Германии, Жана Лонге во Франции, Макдональда в Англии, никак не программой Ленина, который звал к низвержению империалистического господства. Обороняясь от патриотической печати, "Правда" заходила еще далее. "Всякое "пораженчество", -- писала она, -- а вернее, то, что неразборчивая печать под охраной царской цензуры клеймила этим именем, умерло в тот момент, когда на улицах Петрограда показался первый революционный полк". Это было прямым отмежеванием от Ленина. "Пораженчество" вовсе не было изобретено враждебной печатью под охраной цензуры, оно было дано Лениным в формуле: "Поражение России -- меньшее зло". Появление первого революционного полка и даже низвержение монархии не меняло империалистического характера войны²¹. "День выхода первого номера преобразованной "Правды" -- 15 марта, -- рассказывает Шляпников, -- был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов Комитета Государственной думы до самого сердца революционной

демократии -- Исполнительного комитета, -- был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом Исполнительном комитете нас встретили ядовитыми улыбками... Когда этот номер "Правды" был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников... Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что "Правда" была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями "Правды", то потребовали исключения их из партии".

"Правде" пришлось вскоре напечатать резкий протест выборщиков: "Если она (газета) не хочет потерять веру в рабочих кварталах, (она) должна и будет нести свет революционного сознания, как бы он ни был резок для буржуазных сов". Протесты снизу побудили редакцию стать осторожнее в выражениях, но не изменить политику. Даже первая статья Ленина, успевшая прибыть из-за границы, прошла мимо сознания редакции. Курс шел направо по всей линии. "В нашей агитации, -- рассказывает Дингельштедт, представитель левого крыла, -- нам пришлось считаться с принципом двоевластия... и доказывать неизбежность этого окольного пути той самой рабоче-солдатской массе, которая в течение полумесяца интенсивной политической жизни воспитывалась на совсем другом понимании своих задач".

Политика партии во всей стране, естественно, равнялась по "Правде". Во многих советах резолюции по основным вопросам принимались теперь единогласно: большевики попросту склонялись перед советским большинством. На конференции советов Московской области большевики присоединились к резолюции социал-патриотов о войне. Наконец, на происходившем в Петрограде Всероссийском совещании представителей 82 советов в конце марта и начале апреля большевики голосовали за официальную резолюцию о власти, которую защищал Дан. Это чрезвычайное политическое приближение к меньшевикам лежало в основе широко развившихся объединительных тенденций. В провинции большевики и меньшевики входили в объединенные организации. Фракция Каменева--Сталина все больше превращалась в левый фланг так называемой революционной демократии и приобщалась к механике парламентарно-закулисного "давления" на буржуазию, дополняя его закулисным давлением на демократию.

Заграничная часть ЦК и редакция центрального органа "Социал-демократ" составляли духовный центр партии. Ленин, с Зиновьевым в качестве помощника, нес всю руководящую работу. Крайне ответственные секретарские обязанности выполняла жена Ленина Крупская. В практической работе этот маленький центр опирался на поддержку нескольких десятков большевиков-эмигрантов. Оторванность от России становилась в течение войны тем невыносимее, чем теснее военная полиция Антанты стягивала свои кольца. Взрыв революции, которого долго и напряженно ждали, застиг врасплох. Англия категорически отказала эмигрантам-интернационалистам,

списки которых она тщательно вела, в пропуске в Россию. Ленин неистовствовал в цюрихской клетке, изыскивая пути выхода. Среди сотни планов, сменявших один другой, был и план проехать по паспорту глухонемого скандинава. В то же время Ленин не упускает ни одного случая подать свой голос из Швейцарии. Уже 6 марта он телеграфирует через Стокгольм в Петроград: "Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата -- единственная гарантия; немедленные выборы в петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями". Только упоминание о выборах в думу вместо Совета имело в этой первой директиве эпизодический характер и вскоре отпало; остальные пункты, выраженные с телеграфной категоричностью, намечают уже полностью общее направление политики. Одновременно Ленин начинает слать в "Правду" свои "Письма издалека", которые, опираясь на осколки иностранной информации, заключают в себе законченный анализ революционной обстановки. Известия зарубежных газет позволяют ему вскоре заключить, что Временное правительство, при прямой помощи не только Керенского, но и Чхеидзе, не без успеха обманывает рабочих, выдавая империалистическую войну за оборонительную. 17 марта он пишет через посредство друзей в Стокгольме письмо, исполненное тревоги: "Наша партия опозорила себя бы навсегда, политически убила бы себя, если бы пошла на такой обман... Я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступлю социал-патриотизму..." После этой по виду безличной угрозы, рассчитанной, однако, на определенных лиц, Ленин заклинает: "Каменев должен понять, что на него ложится всемирно-историческая ответственность". Каменев назван потому, что речь идет о принципиальных вопросах политики. Если бы Ленин имел в виду практическую боевую задачу, он вспомнил бы скорее о Сталине. Но как раз в те часы, когда Ленин стремился через дымящуюся Европу передать в Петроград напряжение своей воли, Каменев, при содействии Сталина, круто поворачивал в сторону социал-патриотизма.

Планы гримировки, париков, чужих или фальшивых паспортов отпадали один за другим как неосуществимые. В то же время все конкретнее выступала идея проезда через Германию. План этот испугал большинство эмигрантов, и не только патриотов. Мартов и другие меньшевики не решились примкнуть к дерзкой инициативе Ленина и продолжали тщетно стучаться в двери Антанты. Нарекания на проезд через Германию шли впоследствии даже со стороны многих большевиков ввиду затруднений, какие "пломбированный вагон" создал в области агитации. Ленин не закрывал на эти будущие затруднения глаз с самого начала. Крупская писала незадолго до отъезда из Цюриха: "Конечно, вой в России патриоты поднимут, но к этому приходится быть готовым". Вопрос стоял так: либо оставаться в Швейцарии, либо ехать через Германию. Иных путей не открывалось вообще. Мог ли Ленин колебаться хотя бы одну лишнюю

минуту? Ровно через месяц Мартову, Аксельроду и другим пришлось последовать по стопам Ленина.

В организации этой необычайной поездки через неприятельскую страну во время войны сказываются основные черты Ленина-политика: смелость замысла и тщательная предусмотрительность выполнения. В этом великом революционере жил педантический нотариус, который, однако, знал свое место и приступал к составлению своего акта в тот момент, когда это могло помочь делу ниспровержения всех нотариальных актов. Чрезвычайно тщательно разработанные условия проезда через Германию легли в основу своеобразного международного договора между редакцией эмигрантской газеты и империей Гогенцоллерна. Ленин потребовал для транзита полной экстерриториальности: никакого контроля личного состава проезжающих, их паспортов и багажа, ни один человек не имеет права входить по пути в вагон (отсюда легенда о "пломбированном" вагоне). Со своей стороны эмигрантская группа обязывалась настаивать на освобождении из России соответственного числа гражданских пленных

-- немцев и австро-венгерцев.

Совместно с несколькими иностранными революционерами выработана была декларация. "Русские интернационалисты, которые... отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять пролетариев других стран, в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств" -- так гласил протокол, подписанный Лорио и Гильбо

-- от Франции, Павлом Леви -- от Германии, Платтеном -- от Швейцарии, шведскими левыми депутатами и пр. На этих условиях и с этими предосторожностями выехало в конце марта из Швейцарии 30 русских эмигрантов, даже среди грузов войны -- груз необычайной взрывчатой силы.

В прощальном письме к швейцарским рабочим Ленин напоминал о заявлении центрального органа большевиков осенью 1915 года: если революция приведет в России к власти республиканское правительство, которое захочет продолжать империалистскую войну, то большевики будут против защиты республиканского отечества. Ныне такое положение наступило. "Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова -- Милюкова". С этими словами Ленин вступал теперь на территорию революции.

Члены Временного правительства не видели, однако, никакого основания тревожиться. Набоков рассказывает: "В одном из мартовских заседаний Временного правительства, в перерыве, во время продолжавшегося разговора на тему о все развивавшейся большевистской пропаганде, Керенский заявил, по обыкновению истерически похохатывая: "А вот погодите, сам Ленин едет, вот когда начнется по-настоящему..." Керенский был прав: настоящее только еще должно было начаться. Однако министры, по словам Набокова, не видели оснований тревожиться: "Самый факт обращения к Германии в такой мере подорвет авторитет Ленина, что его

не придется бояться". Как им вообще и полагается, министры были очень проницательны.

Друзья-ученики выехали встречать Ленина в Финляндию. "Едва войдя в купе и усевшись на диван, -- рассказывает Раскольников, молодой морской офицер и большевик, -- Владимир Ильич тотчас накидывается на Каменева: "Что у вас пишется в "Правде"? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали..." Такова встреча после нескольких лет разлуки. Но это не мешает ей быть сердечной.

Петроградский комитет при содействии военной организации мобилизовал несколько тысяч рабочих и солдат для торжественной встречи Ленина. Дружественный броневой дивизион отрядил на этот предмет все наличные броневики. Комитет решил идти к вокзалу вместе с броневиками: революция уже пробудила пристрастие к этим тупым чудовищам, которых на улицах города так выгодно иметь на своей стороне.

Описание официальной встречи, которая происходила в так называемой царской комнате Финляндского вокзала, составляет очень живую страницу в многотомных и довольно вялых записках Суханова. "В царскую

комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изыбшим лицом и -- роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую "приветственную" речь, хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон нравоучения: "Товарищ Ленин, от имени петербургского Совета и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне... Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели". Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности... Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок "царской" комнаты, поправляя свой букет (довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного комитета, "ответил" так: "Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие. Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Недалек час, когда, по призыву нашего товарища Карла Либкнехта, народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!.."

Суханов прав -- букет плохо гармонировал с фигурой Ленина, несомненно, мешал ему и стеснял его своей неуместностью на суровом фоне событий. Да и вообще Ленин любил цветы не в букете. Но гораздо больше должна была стеснять его эта официальная и лицемерно-нравоучительная

встреча в парадной комнате вокзала. Чхеидзе был лучше своей приветственной речи. Ленина он слегка побаивался. Но ему, несомненно, внушили, что надо одернуть "сектанта" с самого начала. В довершение к речи Чхеидзе, демонстрировавшей плачевный уровень руководства, молодой командир флотского экипажа, говоривший от имени моряков, догадался выразить пожелание, чтобы Ленин стал членом Временного правительства. Так Февральская революция, рыхлая, многословная и еще глуповатая, встречала человека, который приехал с твердым намерением вправить ей мысль и волю. Уже эти первые впечатления, удесятая привезенную с собой тревогу, вызывали трудно сдерживаемое чувство протеста. Скорее бы засучить рукава! Апеллируя от Чхеидзе к матросам и рабочим, от защиты отечества -- к международной революции, от Временного правительства -- к Либкнехту, Ленин лишь проделал на вокзале маленькую репетицию всей своей дальнейшей политики.

И все же эта неуклюжая революция сразу и крепко приняла вождя в лоно свое. Солдаты потребовали, чтобы Ленин поместился на одном из броневиков, и ему ничего не оставалось, как выполнить требование. Наступившая ночь придавала шестивью особую внушительность. При потушенных огнях остальных броневиков тьма прорезывалась ярким светом прожектора машины, на которой ехал Ленин. Луч вырывал из уличного мрака возбужденные секторы рабочих, солдат, матросов, тех самых, которые совершили величайший переворот, но дали власти утечь между пальцев. Военный оркестр несколько раз умолкал по пути, чтобы дать Ленину возможность варьировать свою вокзальную речь перед новыми и новыми слушателями. "Триумф вышел блестящим, -- говорит Суханов, -- и даже довольно символическим".

Во дворце Кшесинской, большевистском штабе в атласном гнезде придворной балерины, -- это сочетание должно было позабавить всегда бодрствующую иронию Ленина, -- опять начались приветствия. Это было уже слишком. Ленин претерпевал потоки хвалебных речей, как нетерпеливый пешеход пережидает дождь под случайными воротами. Он чувствовал искреннюю обрадованность его прибытием, но досадовал, почему эта радость так многословна. Самый тон официальных приветствий казался ему раздражительным, аффектированным, словом, заимствованным у мелкобуржуазной демократии, декламаторской, сентиментальной и фальшивой. Он видел, что революция, не определившая еще своих задач и путей, уже создала свой утомительный этикет. Он улыбался добродушно-укоризненно, поглядывая на часы, а моментами, вероятно, непринужденно позевывал. Не успели отзвучать слова последнего приветствия, как необычный гость обрушился на эту аудиторию водопадом страстной мысли, которая слишком часто звучала как бичевание. В тот период искусство стенографии еще не было открыто для большевизма. Никто не делал заметок, все было слишком захвачено происходящим. Речь не сохранилась, осталось только общее впечатление от нее в воспоминаниях слушателей, но и оно подверглось обработке времени: прибавлено было восторгу, убавлено

испугу. А между тем основное впечатление речи, даже среди самых близких, было именно впечатление испуга. Все привычные формулы, успевшие приобрести за месяц незыблемую, казалось, прочность от бесчисленных повторений, взрывались одна за другой на глазах аудитории. Краткая ленинская реплика на вокзале, брошенная через голову оторопевшего Чхеидзе, была здесь развита в двухчасовую речь, обращенную непосредственно к петроградским кадрам большевизма.

Случайно в качестве гостя, пропущенного по добродушию Каменева, -- Ленин таких поблажек не терпел -- присутствовал на этом собрании непартийный Суханов. Благодаря этому мы имеем сделанное наблюдателем со стороны полувраждебное, полувосторженное описание первой встречи Ленина с петербургскими большевиками.

"Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии и дух всеокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников".

Людские расчеты и трудности для Суханова -- это, главным образом, колебания редакционного кружка "Новой жизни" за чаем у Максима Горького. Расчеты Ленина были поглубже. Не стихии носились по зале, а человеческая мысль, не оробевшая перед стихиями и стремившаяся понять их, чтобы овладеть ими. Но все равно впечатление передано ярко.

"Когда я с товарищами ехал сюда, -- говорил Ленин, в передаче Суханова, -- я думал, что нас с вокзала прямо повезут в Петропавловку. Мы оказались, как видим, очень далеки от этого. Но не будем терять надежды, что это еще нас не минует, что этого нам не избежать". В то время как для других развитие революции было равносильно укреплению демократии, для Ленина ближайшая перспектива вела напрямик в Петропавловскую крепость. Это казалось зловещей шуткой. Но Ленин совсем не собирался шутить, и революция вместе с ним.

"Аграрную реформу в законодательном порядке, -- жалуется Суханов, - он отшвырнул так же, как и всю прочую политику Совета. Он провозгласил организованный захват земли крестьянами, не ожидая... какой бы то ни было государственной власти".

"Не надо нам парламентарной республики, не надо нам буржуазной демократии, не надо нам никакого правительства, кроме советов рабочих, солдатских и батрацких депутатов!"

В то же время Ленин резко отгораживался от советского большинства, отбрасывая его во враждебный лагерь. "Одного этого в те времена было достаточно, чтобы у слушателя закружилась голова!"

"Только циммервальдская левая стоит на страже пролетарских интересов и всемирной революции, -- возмущенно передает Суханов ленинские мысли. -- Остальные -- те же оппортунисты, говорящие хорошие слова, а на деле... продающие дело социализма и рабочих масс".

"Он решительным образом напал на тактику, которую проводили руководящие партийные группы и отдельные товарищи до его приезда, -- дополняет Суханов Раскольников. -- Здесь были представлены наиболее ответственные работники партии. Но и для них речь Ильича явилась настоящим откровением. Она положила Рубикон между тактикой вчерашнего и сегодняшнего дня". Рубикон, как увидим, был положен не сразу.

Прений по докладу не было: все были слишком оглушены и каждому хотелось хоть сколько-нибудь собраться с мыслями. "Я вышел на улицу, -- заканчивает Суханов, -- ощущение было такое, будто бы в эту ночь меня колотили по голове цепями. Ясно было только одно: нет, с Лениным мне, дикому, не по дороге!" Еще бы!

На другой день Ленин предъявил партии краткое письменное изложение своих взглядов, которое стало одним из важнейших документов революции под именем "Тезисов 4 апреля". Тезисы выражали простые мысли в простых, всем доступных словах. Республика, которая вышла из февральского восстания, не есть наша республика, и война, которую она ведет, не есть наша война. Задача большевиков состоит в том, чтобы свергнуть империалистическое правительство. Но оно держится поддержкой эсеров и меньшевиков, которые держатся доверчивостью народных масс. Мы --- в меньшинстве. При этих условиях не может быть и речи о насилии с нашей стороны. Надо научить массу не доверять соглашателям и оборонцам. "Надо терпеливо разьяснять". Успех такой политики, вытекающей из всей обстановки, обеспечен, и он приведет нас к диктатуре пролетариата, а следовательно, выведет за пределы буржуазного режима. Мы полностью рвем с капиталом, публикуем его тайные договоры и призываем рабочих всего мира к разрыву с буржуазией и к ликвидации войны. Мы начинаем международную революцию. Только успех ее закрепит наш успех и обеспечит переход к социалистическому режиму.

Тезисы Ленина были опубликованы от его собственного, и только от его имени. Центральные учреждения партии встретили их с враждебностью, которая смягчалась только недоумением. Никто -- ни организация, ни группа, ни лицо -- не присоединил к ним своей подписи. Даже Зиновьев, который вместе с Лениным прибыл из-за границы, где мысль его в течение десяти лет формировалась под непосредственным и повседневным влиянием Ленина, молча отошел в сторону. И этот отход не был неожиданным для учителя, который слишком хорошо знал своего ближайшего ученика. Если Каменев являлся пропагандистом-популяризатором, то Зиновьев был агитатором и даже, по выражению Ленина, только агитатором. Чтобы быть вождем, ему не хватало прежде всего чувства ответственности. Но не только этого. Лишенная внутренней дисциплины мысль его совершенно неспособна к теоретической работе и растворяется в бесформенной интуиции агитатора. Благодаря исключительно изощренному чутью, он на лету схватывал всегда нужные ему формулировки, т. е. такие, которые облегчали наиболее эффективное воздействие на массы. И как журналист, и как оратор, он

неизменно оставался агитатором, с той разницей, что в статьях выступают главным образом его слабые стороны, тогда как в устной речи перевешивают сильные. Гораздо более дерзкий и необузданный в агитации, чем кто-либо из большевиков, Зиновьев еще меньше, чем Каменев, способен на революционную инициативу. Он нерешителен, как все демагоги. Переступив с арены фракционных стычек на арену непосредственных массовых боев, Зиновьев почти произвольно отделился от своего учителя.

В последние годы не было недостатка в попытках доказать, что апрельский кризис партии был мимолетным и почти случайным замешательством. Они все рассыпаются прахом при первом соприкосновении с фактами<< В большом коллективном труде, выходящем под редакцией профессора Покровского, "Очерки по истории Октябрьской революции" (т. II, Москва, 1927), апрельскому "замешательству" посвящена апологетическая работа некоего Баевского, которую, по ее бесцеремонному обращению с фактами и документами, следовало бы назвать циничной, если бы она не была так ребячески-беспомощна >>.

Уже то, что мы знаем о деятельности партии в течение марта, вскрывает перед нами глубочайшее противоречие между Лениным и петербургским руководством. Как раз к моменту приезда Ленина противоречие достигло высшего напряжения. Одновременно со Всероссийским совещанием представителей 82 советов, где Каменев и Сталин голосовали за резолюцию о власти, внесенную эсерами и меньшевиками, происходило в Петрограде партийное совещание съехавшихся со всей России большевиков. Для характеристики настроений и взглядов партии, вернее, ее верхнего слоя, каким он вышел из войны, совещание, к самому концу которого прибыл Ленин, представляет исключительный интерес. Чтение протоколов, не изданных до сего дня, вызывает нередко недоумение: неужели партия, представленная этими делегатами, возьмет через семь месяцев власть железной рукой?

После переворота прошел уже месяц -- срок для революции, как и для войны, большой. Между тем в партии не определились еще взгляды на самые основные вопросы революции. Крайние патриоты, вроде Войтинского, Элиава и других, участвовали в совещании наряду с теми, которые считали себя интернационалистами. Процент откровенных патриотов, несравненно меньший, чем у меньшевиков, был все же значителен. Совещание в целом не решило для себя вопроса: раскалываться ли с собственными патриотами или объединяться с патриотами меньшевизма. В промежутке между заседаниями большевистского совещания происходило объединенное заседание большевиков и меньшевиков, делегатов советского совещания, для обсуждения вопроса о войне. Наиболее неистовый меньшевик-патриот Либбер заявил на этом совещании: "Прежнее деление на большевиков и меньшевиков следует устранить и только говорить о нашем отношении к войне". Большевик Войтинский не замедлил прокламировать свою готовность подписаться под каждым словом Либбера. Все вместе, большевики

и меньшевики, патриоты и интернационалисты, искали общей формулы своего отношения к войне.

Взгляды большевистского совещания нашли, несомненно, наиболее адекватное выражение в докладе Сталина об отношении к Временному правительству. Необходимо привести здесь центральную мысль доклада, который до сих пор не опубликован, как и протоколы в целом. "Власть поделилась между двумя органами, из которых ни один не имеет всей полноты власти. Трения и борьба между ними есть и должны быть. Роли поделились. Совет фактически взял почин революционных преобразований; Совет -- революционный вождь восставшего народа, орган, контролирующий Временное правительство. Временное же правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет мобилизует силы, контролирует. Временное же правительство, упираясь, путаясь, берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые фактически уже взяты им. Такое положение имеет отрицательные, но и положительные стороны: нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс отталкивания буржуазных слоев, которые неизбежно впоследствии должны будут отойти от нас".

Взаимоотношение между буржуазией и пролетариатом докладчик, поднявшийся над классами, изображает как простое разделение труда. Рабочие и солдаты совершают революцию, Гучков и Милюков "закрепляют" ее. Мы узнаем здесь традиционную концепцию меньшевизма, неправильно скопированную с событий 1789 года. Именно вождям меньшевизма свойствен этот инспекторский подход к историческому процессу, раздача поручений разным классам и покровительственная критика их выполнения. Мысль о том, что невыгодно ускорять отход буржуазии от революции, всегда была высшим критерием всей политики меньшевиков. На деле это означало: притуплять и ослаблять движение масс, чтобы не отпугивать либеральных союзников. Наконец, вывод Сталина относительно Временного правительства целиком укладывается в двусмысленную формулу соглашателей: "Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку ему поддержка; поскольку же оно контрреволюционно -- поддержка Временного правительства неприемлема".

Доклад Сталина сделан был 29 марта. На следующий день официальный докладчик советского совещания, внепартийный социал-демократ Стеклов, в защиту той же условной поддержки Временного правительства нарисовал, в пылу увлечения, такую картину деятельности "закрепителей" революции -- сопротивление социальным реформам, тяга к монархии, покровительство контрреволюционным силам, аннексионистские аппетиты, -- что совещание большевиков в тревоге отшатнулось от формулы поддержки. Правый большевик Ногин заявил: "...доклад Стеклова внес одну новую мысль: ясно, что не о *поддержке*, а о *противодействии* должна теперь идти речь". Скрыпник тоже пришел к выводу, что после доклада Стеклова "многое изменилось: о поддержке правительства говорить нельзя. Идет заговор Временного правительства против народа и революции". Сталин, за

день до этого рисовавший идиллическую картину "разделения труда" между правительством и Советом, счел себя вынужденным исключить пункт о поддержке. Краткие и неглубокие прения вращались вокруг вопроса, поддерживать ли Временное правительство "постольку-поскольку" или лишь революционные действия Временного правительства. Саратовский делегат Васильев не без основания заявлял: "Отношение к Временному правительству у всех одинаковое". Крестинский формулировал положение еще ярче: "Разногласий в практических шагах между Сталиным и Войтинским нет". Несмотря на то что Войтинский сейчас же после совещания перешел к меньшевикам, Крестинский был не так уж не прав: снимая открытое упоминание о поддержке, Сталин самой поддержки не снимал. Принципиально поставить вопрос пытался лишь Красиков, один из тех старых большевиков, которые отходили от партии на ряд лет, а теперь, отягощенные опытом жизни, пытались вернуться в ее ряды. Красиков не побоялся взять быка за рога. "Не собираетесь ли вы устанавливать диктатуру пролетариата?" -- спрашивал он иронически. Но совещание прошло мимо иронии, а заодно и мимо вопроса, как не заслуживающего внимания. Резолюция совещания призывала революционную демократию побуждать Временное правительство "к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима", т. е. отводила пролетарской партии роль гвернантки при буржуазии.

На следующий день обсуждалось предложение Церетели об объединении большевиков и меньшевиков. Сталин отнесся к предложению вполне сочувственно: "Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда -- Кинталя". Молотов, отстраненный Каменевым и Сталиным от редактирования "Правды" за слишком радикальное направление газеты, выступил с возражениями: Церетели желает объединить разношерстные элементы, сам он тоже называет себя циммервальдистом, объединение по этой линии неправильно. Но Сталин стоял на своем. "Забегать вперед, -- говорил он, -- и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия". Вся борьба, которую Ленин провел за годы войны против социал-патриотизма и его пацифистской маскировки, как бы шла насмарку. В сентябре 1916 года Ленин с особой настойчивостью писал через Шляпникова в Петроград: "Примиренчество и объединенчество есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и гибель партии... Полагаться мы можем только на тех, кто понял весь обман идеи единства и всю необходимость раскола с этой братией (с Чхеидзе и К°) в России". Это предупреждение не было понято. Разногласия с Церетели, руководителем правящего советского блока, объявлялись Сталиным мелкими разногласиями, которые можно "изживать" внутри общей партии. Этот критерий дает лучшую оценку тогдашним взглядам самого Сталина.

4 апреля на партийном съезде появляется Ленин. Его речь, комментировавшая "тезисы", проходит над работами конференции, точно

влажная губка учителя, стирающая с доски то, что на ней было написано запутавшимся школьником.

"Почему не взяли власть?" -- спрашивает Ленин. На советском совещании Стеклов незадолго до того путано объяснял причины воздержания от власти: революция буржуазная, -- первый этап, -- война и пр. "Это -- вздор, -- заявляет Ленин, -- Дело в том, что пролетариат недостаточно сознательен и недостаточно организован. Это надо признать. Материальная сила -- в руках пролетариата, а буржуазия оказалась сознательной и подготовленной. Это -- чудовищный факт, но его необходимо откровенно и прямо признать и заявить народу, что не взяли власть потому, что неорганизованны и бессознательны".

Из плоскости фальшивого объективизма, за которым прятались политические капитулянты, Ленин передвинул весь вопрос в субъективную плоскость. Пролетариат не взял власть в феврале потому, что партия большевиков не была на высоте объективных задач и не смогла помешать соглашателям политически экспроприировать народные массы в пользу буржуазии.

Накануне адвокат Красилов с вызовом говорил: "Если мы считаем, что сейчас наступило время осуществления диктатуры пролетариата, то так и надо ставить вопрос. Физическая сила, в смысле захвата власти, несомненно у нас". Председатель лишил тогда Красилова слова на том основании, что дело идет о практических задачах и вопрос о диктатуре не обсуждается. Но Ленин считал, что в качестве единственной практической задачи стоит именно вопрос о подготовке диктатуры пролетариата. "Своеобразие текущего момента в России, -- говорил он в тезисах, -- состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства".

Совещание вслед за "Правдой" ограничивало задачи революции демократическими преобразованиями, осуществляемыми через Учредительное собрание. В противовес этому Ленин заявил: "Жизнь и революция отводят Учредительное собрание на задний план. Диктатура пролетариата есть, но не знают, что с ней делать".

Делегаты переглядывались. Говорили друг другу, что Ильич засиделся за границей, не присмотрелся, не разобрался. Но доклад Сталина о мудром разделении труда между правительством и Советом сразу и навсегда утонул в безвозвратном прошлом. Сам Сталин молчал. Отныне ему придется молчать долго. Обороняться будет один Каменев.

Еще из Женевы Ленин предупреждал в письмах, что готов рвать со всяким, кто идет на уступки в вопросах войны, шовинизма и соглашательства с буржуазией. Теперь, лицом к лицу с руководящим слоем партии, он открывает атаку по всей линии. Но вначале он не называет по имени ни одного из большевиков. Если ему нужен живой образец фальши, половинчатости, он указывает пальцем на непартийных, Стеклова или

Чхеидзе. Это обычный прием Ленина: никого преждевременно не пригвождать к его позиции, чтобы дать возможность осторожным своевременно выйти из боя и таким путем сразу ослабить будущих открытых противников. Каменев и Сталин считали, что, участвуя в войне после Февраля, солдат и рабочий защищают революцию. Ленин считает, что солдат и рабочий по-прежнему участвуют в войне как подневольные рабы капитала. "Даже наши большевики, -- говорит он, сужая круги над противниками, -- обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это -- гибель социализма... Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве". Это не просто ораторская угроза. Это ясно и до конца продуманный путь.

Не называя ни Каменева, ни Сталина, Ленин вынужден, однако, назвать газету: "Правда" требует от правительства, чтобы оно отказалось от аннексий. Требовать от правительства капиталистов, чтобы оно отказалось от аннексий, -- чепуха, вопиющая издевка..." Сдерживаемое негодование прорывается здесь высокой нотой. Но оратор немедленно берет себя в руки: он хочет сказать не меньше того, что нужно, но ничего лишнего. Мимоходом, вскользь Ленин дает несравненные правила революционной политики: "Когда массы заявляют, что не хотят завоеваний, -- я им верю. Когда Гучков и Львов говорят, что не хотят завоеваний, -- они обманщики. Когда рабочий говорит, что хочет обороны страны, -- в нем говорит инстинкт угнетенного человека". Этот критерий, если назвать его по имени, кажется прост, как сама жизнь. Но трудность в том и состоит, чтобы вовремя назвать его по имени.

По поводу воззвания Совета "К народам всего мира", которое дало повод либеральной "Речи" заявить в свое время, что тема пацифизма разворачивается у нас в идеологию, общую с нашими союзниками, Ленин выразился точнее и ярче: "Что своеобразно в России, это -- гигантски быстрый переход от дикого насилия к самому тонкому обману".

"Воззвание это, -- писал Сталин о манифесте, -- если оно дойдет до широких масс (Запада), без сомнения, вернет сотни и тысячи рабочих к забытому лозунгу "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

"Воззвание Совета, -- возражает Ленин, -- там нет ни слова, проникнутого классовым сознанием. Там

-- сплошная фразы". Документ, которым гордились доморощенные циммервальдцы, есть в глазах Ленина лишь одно из орудий "самого тонкого обмана".

До приезда Ленина "Правда" вообще не упоминала о циммервальдской левой. Говоря об Интернационале, не указывала о каком. Это Ленин и называл "каутскианством" "Правды". "В Циммервальде и Кинтале, -- заявил он на партийном совещании, -- получил преобладание центр... Мы заявляем, что образовали левую и порвали с центром... Течение левого Циммервальда существует во всех странах мира. Массы должны разбираться, что социализм раскололся во всем мире..."

Три дня перед тем Сталин провозглашал на этом самом совещании свою готовность изживать разногласия с Церетели на основах Циммервальда -- Кинталя, то есть на основах каутскианства. "Я слышу, что в России идет объединительная тенденция, -- говорил Ленин, -- объединение с оборонцами -- это предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехт. Один против 110!" Обвинение в предательстве социализма, пока еще безыменное, здесь не просто крепкое слово: оно полностью выражает отношение Ленина к тем большевикам, которые протягивают палец социал-патриотам. В противовес Сталину, считающему возможным объединиться с меньшевиками, Ленин считает недопустимым носить дальше общее с ними имя социал-демократии. "Лично от себя, -- говорит он, -- предлагаю переменить название партии, назваться *Коммунистической партией*". "Лично от себя" -- это значит, что никто, ни один из участников совещания не соглашался на этот символический жест окончательного разрыва со Вторым Интернационалом.

"Вы боитесь изменить старым воспоминаниям?"

-- говорит оратор смущенным, недоумевающим, отчасти негодующим делегатам. Но настало время "переменить белье -- надо снять грязную рубашку и надеть чистую". И он снова настаивает: "Не цепляйтесь за старое слово, которое насквозь прогнило. Хотите строить новую партию... и к вам придут все угнетенные".

Пред грандиозностью еще непечатых задач, пред идейной смутой в собственных рядах острая мысль о драгоценном времени, бессмысленно расточаемом на встречи, приветствия, ритуальные резолюции, исторгает у оратора вопль: "Довольно приветствий, резолюций, -- пора начать дело, надо перейти к деловой, трезвой работе!"

Через час Ленин вынужден был повторить свою речь на заранее назначенном общем собрании большевиков и меньшевиков, где она большинству слушателей показалась чем-то средним между издевательством и бредом. Более снисходительные пожимали плечами. Этот человек явно с луны свалился: едва сойдя, после десятилетнего отсутствия, со ступеней Финляндского вокзала, проповедует захват власти пролетариатом. Менее добродушные из патриотов упоминали о plombированном вагоне. Станкевич свидетельствует, что выступление Ленина очень обрадовало его противников: "Человек, говорящий такие глупости, не опасен. Хорошо, что он приехал, теперь он весь на виду... теперь он сам себя опровергает".

А между тем, при всей смелости революционного захвата, при непреклонной решимости рвать даже и с давними единомышленниками и соратниками, если они неспособны идти в ногу с революцией, речь Ленина, где все части уравновешены между собою, проникнута глубоким реализмом и безошибочным чувством массы. Но именно поэтому она должна была казаться фантастичной скольльзящим по поверхности демократам.

Большевики -- маленькое меньшинство в советах, а Ленин замышляет захват власти. Разве это не авантюризм? Ни тени авантюризма не было в ленинской постановке вопроса. Ни на минуту не закрывает он глаз на

наличие "честного" оборонческого настроения в широких массах. Не растворяясь в них, он не собирается и действовать за их спиной. "Мы не шарлатаны, -- бросает он навстречу будущим возражениям и обвинениям, -- мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придется остаться в меньшинстве -- пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве". Не бояться остаться в меньшинстве, даже одному, как Либкнехт против 110, -- таков лейтмотив речи.

"Настоящее правительство -- Совет рабочих депутатов... В Совете наша партия -- в меньшинстве... Ничего не поделаешь! Нам остается лишь разьяснять, терпеливо, настойчиво, систематически, ошибочность их тактики. Пока мы в меньшинстве -- мы ведем работу критики, дабы избавить массы от обмана. Мы не хотим, чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок". Не бояться оставаться в меньшинстве! Не на всегда, а на время. Час большевизма пробьет. "Наша линия окажется правильной... К нам придет всякий угнетенный, потому что его приведет к нам война. Иного выхода ему нет".

"На объединительном совещании, -- рассказывает Суханов, -- Ленин явился живым воплощением раскола... Помню Богданова (видный меньшевик), сидевшего в двух шагах от ораторской трибуны. Ведь это бред, прерывал он Ленина, это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье, кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от гнева и презрения, вы позорите себя! Марксисты!"

Бывший член большевистского ЦК Гольденберг, стоявший в это время вне партии, оценил в прениях тезисы Ленина следующими уничтожающими словами: "Много лет место Бакунина в русской революции оставалось незанятым, теперь оно занято Лениными.

"Его программа тогда встречена была не столько с негодованием, -- вспоминал позже эсер Зензинов, -- сколько с насмешками, настолько нелепой и выдуманной казалась она всем".

Вечером того дня в беседе двух социалистов с Милюковым, в преддверии контактной комиссии, разговор перешел на Ленина. Скобелев оценивал его как "совершенно отпетого человека, стоящего вне движения". Суханов присоединился к скобелевской оценке и присовокупил, что Ленин "до такой степени ни для кого не приемлем, что сейчас он совершенно не опасен для моего собеседника Милюкова". Распределение ролей в этой беседе получилось, однако, совершенно по Ленину: социалисты охраняли спокойствие либерала от забот, которые мог ему причинить большевизм.

Даже до британского посла дошли слухи о том, что Ленин был признан плохим марксистом. "Среди вновь прибывших анархистов... -- так записал Бьюкенен, -- был Ленин, приехавший в запломбированном вагоне из Германии. Он появился публично первый раз на собрании социал-демократической партии и был плохо принят". Снисходительней других отнесся к Ленину в те дни, пожалуй, Керенский, неожиданно заявивший в

кругу членов Временного правительства, что хочет побывать у Ленина, и пояснивший в ответ на недоуменные вопросы: "Ведь он живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто бы сколько-нибудь помог ему ориентироваться в том, что происходит". Таково свидетельство Набокова. Но Керенский так и не нашел свободного времени, чтобы ориентировать Ленина в том, что происходит.

Апрельские тезисы Ленина не только вызвали изумленное негодование врагов и противников. Они оттолкнули ряд старых большевиков в лагерь меньшевизма или в промежуточную группу, которая ютилась вокруг газеты Горького. Серьезного политического значения эта утечка не имела. Неизмеримо важнее то впечатление, которое произвела позиция Ленина на весь руководящий слой партии. "В первые дни по приезде, -- пишет Суханов, -- его полная изоляция среди всех сознательных партийных товарищей не подлежит ни малейшему сомнению". "Даже его товарищи по партии, большевики, -- подтверждает эсер Зензинов, -- в смущении отвернулись тогда от него". Авторы этих отзывов встречались с руководящими большевиками ежедневно в Исполнительном комитете и имели сведения из первых рук.

Но нет недостатка в подобных же свидетельствах и из большевистских рядов. "Когда появились тезисы Ленина, -- вспоминал позже Цихон, крайне смягчая краски, как и большинство старых большевиков, споткнувшихся на Февральской революции, -- в нашей партии почувствовались некоторые колебания, многие из товарищей указывали, что Ленин имеет синдикалистический уклон, что он оторвался от России, не учитывает данного момента и т. д.". Один из видных большевистских деятелей в провинции, Лебедев, пишет: "По приезде Ленина в Россию его агитация, первоначально не совсем понятная даже нам, большевикам, казавшаяся утопической, объяснявшаяся его долгой оторванностью от русской жизни, постепенно была воспринята нами и вошла, можно сказать, в плоть и кровь". Залежский, член Петроградского комитета и один из организаторов встречи, выражается прямее: "Тезисы Ленина произвели впечатление разорвавшейся бомбы". Залежский вполне подтверждает полную изолированность Ленина после столь горячей и внушительной встречи. "В тот день (4 апреля) товарищ Ленин не нашел открытых сторонников даже в наших рядах".

Еще важнее, однако, показание "Правды". 8 апреля, через четыре дня после оглашения тезисов, когда можно было уже достаточно полно объяснить и понять друг друга, редакция "Правды" писала: "Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую". Центральный орган партии заявлял, таким образом, открыто, перед лицом рабочего класса и его врагов, о расхождении с общепризнанным вождем партии по краеугольному вопросу революции, к которой большевистские кадры готовились в течение долгого ряда лет. Этого

одного достаточно, чтобы оценить всю глубину апрельского кризиса партии, выросшего из столкновения двух непримиримых линий. Без преодоления этого кризиса революция не могла продвинуться вперед.